

Людмила КЕОСЬЯН

Красноярск

Людмила Васильевна Кеосьян родилась на Урале 23 декабря 1941 года. Окончила Уральский политехнический институт. По профессии — инженер-конструктор. В юности публиковалась в местной прессе, «Комсомольской правде», с переездом в Красноярск — в «Красноярской газете», альманахе «Русло», журнале «День и ночь». Автор четырёх книг: «Реабилитированные», «Право на крылья», «Самарины», «Земля и небо». Лауреат конкурсов короткого рассказа

за 2020, 2021 и 2023 годы, дипломант «Нового Енисейского литератора» в номинации «Проза» за 2022 год.

СЫН МАРКИЗА

Настоящее его имя — Томми. Он — балинезиец. Взяв его в свою семью, через неделю уже не представляли, как раньше жили без этого красавчика. Имя «Томми» — это по паспорту, но мы сразу стали называть его по-другому — Томик, что казалось нам более тёплым, домашним. Да и русским, в конце концов. Помню день, когда он впервые появился в нашем доме. Настороженный взгляд, которым охватил прихожую. Осторожно, маленькими шажочками, продвинулся дальше, а войдя в зал, тут же по-хозяйски, словно прожил здесь всю жизнь, взобрался в кресло напротив телевизора. И мы поняли, что ему здесь понравилось, что он принял нас. Томик — это кот, которого буквально навязали нам его прежние хозяева, решившие избавиться от него по непонятным причинам. Чем он их не устроил, так и осталось неизвестным. Мы с мужем не соглашались брать этого иностранца, нас уговаривали целую неделю. И всё-таки уговорили, да ещё и за какую-то приличную сумму денег, которую нам пришлось заплатить. Ну а как же — порода! Не соглашались потому, что до сих пор горевали о своём старом котике, который погиб трагически, и после этого мы решили никогда больше животинку в доме не заводить.

У Томми действительно был паспорт. Кошачий. Указана дата рождения, кто его родители. Имя отца — Маркиз, матери — Амели. Отец — неоднократный победитель кошачьих выставок. К паспорту прилагалась ещё и газета с фото папаши Маркиза в компании со своей хозяйкой, девочкой-школьницей. Здоровый котик с необычайно длинными лапами, с широко расставленными глазами и шерстью палевого окраса.

И потекла дальше жизнь. Можно сказать, наша семья увеличилась на одного человека. Томик сразу выбрал себе из нас троих хозяина. И это оказалась я. Ну а как иначе, если, просыпаясь утром, «хозяйка» сразу бежала на кухню готовить еду, и первая еда — для него? Он сидел рядом со своей миской, ждал и смотрел на меня уже почти влюблёнными глазами. Да-да, у Томика были выразительные, умные глаза насыщенного синего цвета. Я порой удивлялась: это был взгляд, похожий на взгляд думающего человека. Знал много слов, наших, человеческих. «Куда?!» — тут же, понимая, что «туда» нельзя, пятился назад. «Иди ко мне!» — сразу прыгал на колени. «Уйди, Томик!» — спрыгивал на пол, оглядываясь с обидой в глазах, но тут же, правда, осторожно, заходя с другого бока, снова устраивался на коленях. «Кушать!» — бежал сломя голову на кухню. Даже лапу подавал, как вымуштрованная собака. Но главное качество этой породы, выведенной в Филадельфии и появившейся в России только в восьмидесятых годах, — это преданность хозяину. Такая порода кошек по натуре своей очень близка к собакам: так же может сопровождать хозяина на прогулках, даже приносить тапочки, если хорошо позаниматься со своим питомцем. Как оказалось, наш Томик унаследовал все самые лучшие признаки породы балинезов. Но всё это мы узнаем потом.

Наступила долгожданная весна. И вот начало дачного сезона, май. Утро субботы и вечер воскресенья наш Томик — пассажир электрички. Как положено, с кошачьим пассажирским билетом. Первая поездка для него была наполнена самым настоящим ужасом. Лёжа на полке в сетчатом металлическом контейнере, над окном вагона, он со страхом в глазах озирает массу шумно ведущих себя людей, нагруженных досками, рюкзаками, большущими коробками рассады и разбегающихся по вагону, спеша занять себе пока пустующие места. Вздрагивал от каждого объявления машиниста, а особенно от грома проезжающих на соседних путях электричек и грузовых составов. Ни разу не вздремнув, в напряжении, проехал более часа. И только в конце поездки, поняв, что ничего ему не угрожает, уснул. На обратном пути это был уже совсем другой кот: он вёл себя так, словно только и делал, что катался на этих поездах, вместе с этими весёлыми, иногда поющими под гитару людьми, которых называют дачниками.

На даче сразу подружился с соседским котом по кличке Черныш. И это тоже был очередной признак породы — дружелюбие. Черныш, красивый большой кот, уже давно был хозяином всей кошачьей округи. И вёл себя как хозяин. Как уж они договорились, нам не понять, но спустя месяц он каждое утро стал приходить к нашему дому. Садился напротив окна рядом с крыльцом и терпеливо ждал, когда этот непонятный для него новый кот выйдет из дома. И в ту же минуту Томик, сидя на письменном столе и глядя в окно, видимо, ожидая своего дружка, спрыгивал метеором со стола и бросался к закрытой на крючок двери. А потом — к нам, ещё спящим, и начинал орать благим матом. Вставали, выпускали и с удивлением наблюдали, как два кота спокойно, друг за другом, словно имея какой-то заранее разработанный план, направлялись к калитке, а потом удалялись по направлению в сторону леса. Таковую картину можно было наблюдать каждый день. Возвращались только к обеду. Куда они ходили, выяснилось спустя примерно месяц. Однажды, когда солнце уже начало опускаться за могучие вековые сосны, на участке, по-хозяйски открыв, не спросив разрешения, калитку, появился незнакомый человек. Невысокого роста, упитанный, с хитроватым прищуром глаз. И сразу — в дом. Я в этот момент стояла у кухонной плиты.

— О, я как раз к ужину! — даже не поздоровавшись, заявил дядька.

«Ничего себе», — подумала я, но всё-таки пригласила его войти, хотя такая бесцеремонность меня покорила.

— Простите, а кто вы? Мы разве знакомы?

— А я — почти что ваш родственник, которому вы в скором времени должны будете платить алименты, — и расхохотался. — Долго мне пришлось искать вас. Налейте-ка мне кваску, — увидев на подоконнике трёхлитровую банку с квасом, ткнул в неё пальцем.

Выпив, крикнув от удовольствия: «Хороша настоечка!» — уставился на меня с прищуром своих непонятного цвета глаз: то ли жёлтых, то ли зеленоватых с коричневой примесью.

— Два кота — чёрный и палевый — ваши?

Я кивнула:

— Наши.

— Ну вот, я и говорю. Алименты будете платить нашей Маруське.

И рассказал, вдруг став серьёзным, отчего его, видимо, напускная бесцеремонность и даже нахальность вдруг понемногу стала ослабевать. Передо мной уже сидел обычный дачник, человек со своими заботами, плюсами и минусами.

— Ваши коты уже давно стали нашими гостями. Обхаживают нашу Муську по очереди. Любовь, понимаете ли. Вначале один — второй просто сидит, наблюдая, ожидая своей очереди. А потом меняются ролями, — тут он от души расхохотался. — Если не верите — приходите, удостоверитесь. У нас все соседи умирают от хохота. Мы живём за лесочком, на Садовой. Дом двести четырнадцать. Хотя скоро съедем оттуда, меняем дачу на Минино, чтобы поближе к городу.

Посидев ещё какое-то время, так же неожиданно, как и появился, встал, хрустнув коленями, и удалился, закрыв аккуратно задвижку на калитке. Уже оказавшись за ней, прощаясь, помахал мне рукой.

Коты наши ещё какое-то время посещали свою зазнобу, но вскоре бóльшую часть времени стали проводить, скучая, на крыльце то нашего, то соседского дома. Оказалось, хозяйва, забрав свою Мусю-Марусю, и впрямь уехали. С началом осени мы уехали с дачи, а когда следующей весной вновь вернулись, произошло неожиданное: Томик и Черныш, видимо, что-то не поделив, начали драться не на жизнь, а на смерть. Мы выбегали с вёдрами в руках и разливали их водой. Ничего не помогало. Бойцы уродовали себя так, что на них страшно было смотреть. Ключья шерсти валялись по всему огороду. У Томика на щеке рана долго не хотела заживать, гноилась, гной выходил, накапливаясь и пузырясь. Промывали марганцовкой, прикладывали левомеколь, бинтовали. Он, злясь, сдирал повязки и вырывался, стремясь выскочить на улицу. А враг не дремал. Сидел так же у окна и ждал. И опять на всю Таёжку разносился их страшный ор. Вот уж воистину — от любви до ненависти один шаг. Выход был один — привозить котов, чередуясь: одну неделю — Черныша, другую — нашего балинезийца. Так и делали до самой осени.

И ещё одна история произошла с нашим Томиком. Начало ей положили события на моей работе. Стояло лето,

июль. Вот уже вторую неделю председатель профсоюзного комитета приходил к нам в отдел и мало сказать что просил — он, зная, что я ухожу в отпуск, умолял меня взять горящую путёвку на курорт «Белокуриха». А я, считая себя молодой и здоровой, хотя мне тогда стукнуло уже пятьдесят, наотрез отказывалась. Мне представлялось, что по курортам разъезжают одни старички и бабули со вставными челюстями, с палочками в руках. Тем более на нашей любимой даче начинала созревать земляника, долгожданная ягода всех садоводов, и моё сердце уже давно было там, среди тайги, среди её запахов, родниковой воды и чистейшего воздуха. Но в конце концов, чувствуя, что он действительно хочет мне добра, тряся передо мною выпиской из моей медицинской карты, где чёрным по белому перечислены рекомендации по санаторно-курортному лечению, согласилась. Сейчас вспоминаю о том времени с ностальгией. А ведь были умные люди и ездили на курорты почти каждый год.

По возвращении из Белокурихи меня ждала неожиданная весть: наш Томик пропал. На даче. Муж с сыном, чувствуя себя виноватыми, торопясь и перебивая друг друга, рассказывали, как долго они его искали, опрашивали каждого встречного, побывали во дворе новых хозяев, где, вспоминая свои прошлые похождения, мог оказаться наш кот. Но всё безрезультатно: приехали домой без Томика. Рассердившись на своих мужчин, закрылась в своей комнате. Перед глазами проносились картинки, страшнее которых и не придумать. Рано утром, молча собравшись, на первой электричке поехала на дачу. Помню, сидела, отвернувшись к окну, чтобы скрыть слёзы, которые время от времени текли по щекам. Но всё-таки сидящая напротив меня пожилая женщина пенсионного возраста, в старомодной соломенной шляпке, вдруг дотронулась до моего колена:

— Что вас так расстроило, дорогая моя? Кто вас обидел? Выкиньте всё из головы — жизнь-то прекрасна: вот наступил новый день, а мы живы, вот и солнышко выглядывает.

И посмотрела на меня так тепло и лучисто, что я рассказала ей про своё горе.

— Эх, милая моя, вы, наверное, не видели ещё настоящего горя... Вот когда теряем своих родных людей — вот где настоящее горе... — и женщина надолго замолчала.

Хотела я сказать ей, что такое горе мне уже пришлось перенести, и не единожды, и что мой Томик хотя и не человек, но тоже мне родной и близкий, но промолчала, видя, что она ушла в свои мысли.

Женщина вдруг встрепелась:

— А какой породы ваш кот?

Не стала я называть ей истинную породу Томика, просто сказала:

— Он похож на сиамского.

Она вдруг хлопнула опять меня по колену:

— Слушайте, так жив ваш Томик! Я езжу на дачу каждый день на этой самой электричке. Ночевать там боюсь, домик стоит у самого леса, на отшибе от других домов. А я одна. Сегодня у нас пятница? — она вопросительно взглянула на меня.

Я кивнула.

— Так вот, начиная с понедельника, выходя из электрички, я каждое утро видела на самом верху лестницы, ведущей от платформы к кассе, кота. Похожего на сиамского, только шерсть более длинная. Контрастная по цвету с телом чёрная мордочка. Поставив рюкзак на асфальт платформы, в один из дней поднялась к нему. До чего же красивый кот! Ноги длиннее, чем у обычных кошек, и глаза необычной формы, типа миндалевидных, да ещё синие-синие, вот прямо как сегодняшнее небо. Стали другие люди подходить, удивлялись необычной красоте котика. Кто-то предположил, что он заблудился, кто-то — что он выскочил из электрички, а хозяева, не заметив, уехали дальше. Потом, смотрю, продвинулся ближе к коту пожилой, седовласый, в очках с красивой оправой, мужчина. Погладив его, сказал: «Может быть и так, как вы говорите. Но я знаю эту породу: эти балинезы (вроде так он назвал кота), — при этих словах женщины я вздрогнула, — сильно привязываются к хозяевам, остаются преданными им на всю жизнь. Вероятно, он просто сидит и ждёт их. Если уехали дальше, то вернуться. Как оставить такую красоту?» И вы знаете, он сильно удивился, когда я сказала ему, что кот сидит тут уже не первый день. «Странно и непонятно, тем более я знаю, что кошки такой редкой породы довольно дорогие», — и мужчина, покачивая головой, отошёл. Молодой человек, до этого не сказавший ни слова, достал из рюкзака

фотоаппарат, сделал снимок кота, а потом решил взять его на руки, но, вы знаете, он не дался, вырвался, отбежал в сторону.

Я уже не сомневалась. Это был наш Томик. В порыве благодарности встала и обняла эту женщину.

— Ваш? — спросила она.

И тут раздался металлический голос: «Следующая станция — Таёжный», — а через десять минут электричка остановилась. Вагон немного не дотянул до лестницы, но, подбегая к ней, я уже поняла: бежать не стоит, наверху никого не было. Опустив голову, пытаясь скрыть выступившие опять слёзы, одновременно ощутив гулкие, с перебоями, удары сердца где-то в желудке, опустилась на скамейку. И вдруг вздрогнула от звонкого мальчишеского крика совсем рядом со мной:

— Бежит! Бежит!

Вскочила и в ту же секунду увидела, как с горы несётся по направлению к железной дороге белый комочек. А через пару минут мы уже обнимались с Томиком, я плакала, не стесняясь своих слёз, а он, похудевший, с налипшими сухими колючками на шерсти, тыкался мордой в моё лицо, слизывая слёзы, и не переставал мяукать. Какая-то бабушка, держа собаку на поводке, погладила меня по плечу:

— Это он вам рассказывает, как долго вас искал. Я, милая, тоже замечала этого кота, он вон там сидел, — и показала на верх лестницы.

— Так он и у колодца появлялся, видела я. Наверное, и там вас ждал, — услышала ещё чей-то голос.

А я, обнимая своего иностранца, уже верила и в это: Томик знал дорогу к колодцу, куда мы обычно ходили с ним вместе за водой.

Вот так счастливо закончилась эта история.

Томик прожил у нас шестнадцать лет. Это средняя продолжительность жизни кошек балинезийской породы. Рассказывать про его последний день жизни не буду. Не хочу расстраивать никого, а больше всего себя. Оказывается, у наших братьев меньших и болезни такие же, как у людей. Похоронили его в Таёжке, между двумя молодыми берёзками, наверное, его ровесницами. Иногда прихожу к нему, разговариваю и надеюсь, что он меня слышит.